

БАХТИНСКИЙ СБОРНИК

Бахтинский сборник

V

Ответственный редактор

В. Л. Махлин

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Москва

2004

ББК 83
Б 30

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 02-03-16010

Редакционная коллегия:

К. Г. Исупов (Санкт-Петербург),
В. Л. Махлин (Москва),
О. Е. Осовский (Саранск)

Б 30 Бахтинский сборник. Вып. 5 / Отв. ред. и сост. В. Л. Махлин. —
М.: Языки славянской культуры, 2004. — 632 с.

ISBN 5-94457-184-5

Бахтинский сборник (БС) — периодическое издание, посвященное изучению философского и филологического наследия великого русского мыслителя и ученого XX века Михаила Михайловича Бахтина (1895—1975). Авторы этого — пятого по счету — выпуска БС — российские и зарубежные исследователи самой разной научной, теоретической и духовно-идеологической ориентации; общим для них является попытка осмыслить место и значение бахтинских идей в разрезе незавершенной современности как русской, так и западноевропейской духовной истории и гуманитарной культуры. Вошедшие в БС V работы в какой-то мере отражают «динамику» восприятия наследия М. М. Б. на его родине и на Западе за последние тридцать лет (с начала 1970-х гг. до начала текущего десятилетия нового века).

Книга предназначена для гуманитариев любого профиля, интересующихся как «внутринаучными», так и «пограничными» проблемами в науках исторического опыта XIX—XX—XXI вв., философскими основаниями и спецификой гуманитарных наук.

ББК 83

БАХТИНСКИЙ СБОРНИК

Вып. 5

Издатель А. Кошелев

Оригинал-макет выполнен Л. Гоготовой
Корректоры А. Зарещкий, Л. Щеголева
Художественный консультант Л. Панфилова

Подписано в печать 09.03.2004. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная. Усл. п. л. 50,96. Заказ № 67

Издательство «Языки славянской культуры». ЛР № 02745 от 04.10.2000.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153). E-mail: Lrc@comtv.ru
Каталог в ИНТЕРНЕТ <http://www.lrc-press.ru>, <http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГП «Облиздат»
248640, г. Калуга, пл. Старый Торг, 5

ISBN 5-94457-184-5

9 785944 571847 >

© Авторы, 2004
© Языки славянской культуры, 2004

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	7
Список сокращений	9

1. ДО И ПОСЛЕ

<i>Клод Фриу</i> . Бахтин до нас и после нас	13
<i>Витторио Страда</i> . Между романом и реальностью: история критической рефлексии	22
<i>В. Л. Махлин</i> . Незаслуженный собеседник (I) (Опыт исторической ориентации)	41

2. В ДРУГИХ КОНТЕКСТАХ

<i>Дон Бьялостоцки</i> . Разговор — как диалогика, прагматика и герменевтика: Бахтин, Рорти, Гадамер	75
<i>Майкл Холквист</i> . Услышанная неслышимость: Бахтин и Деррида	88
<i>Поль де Ман</i> . Диалог и диалогизм	109
<i>Мэтью Робертс</i> . Поэтика, герменевтика, диалогика: Бахтин и Поль де Ман	119
<i>Дэвид Шенпард</i> . Бахтин и читатель	138
<i>Майкл Холквист</i> . Авторство как диалог: Архитектоника ответственности	156
<i>Кэрил Эмерсон</i> . «Переводимость»	186

3. НАЧИНАЯ С НАЧАЛА

<i>Вадим Ляпунов</i> . Несколько непритязательных рекомендаций для читающих Бахтина	195
<i>Н. И. Николаев</i> . М. М. Бахтин, Невельская школа философии и культурная история 1920-х годов	210
<i>С. Г. Бочаров</i> . Книга о Достоевском на пути Бахтина	281
<i>В. Л. Махлин</i> . Незаслуженный собеседник (II) (Опыт исторической ориентации)	315
<i>Л. А. Гоготишвили</i> . Двуголосие в соотношении с монологизмом и полифонией	338

<i>Мика Ляхтенмяки. Истина и правда в философской концепции</i>	
М. М. Бахтина	411
<i>А. И. Пигалев. Людвиг Фейербах и истоки «диалогического мышления»</i>	419

4. ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

<i>Энтони Уолл. Как исследуют Бахтина (по-немецки)</i>	453
<i>Кэрил Эмерсон. Бахтин на знамени западного марксизма</i>	482
<i>Кэрил Эмерсон. По ту сторону актуальности</i>	492
<i>Аластер Ренфрю. Культ личности</i>	499
<i>Т. Г. Юрченко. Зарубежная библиография по бахтинистике</i>	510
<i>В. Л. Махлин. Тоже разговор</i>	514
<i>М. Н. Соколов. Метаэстетика в поисках дефиниции</i>	546
<i>Ж. Бест. (Без названия)</i>	557
<i>Клайв Томсон. Андре Белло – гетерогенно-хронотопический мыслитель</i>	562

5. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

<u>В. В. Кожин</u> . Несколько штрихов к биографии М. М. Бахтина	571
<i>И. Л. Попова. «Рабле» в 1940-е годы: несостоявшиеся издания в СССР и во Франции</i>	581
<i>В. И. Лаптун. Архивные материалы о преподавательской деятельности М. М. Бахтина в Мордовском пединституте</i>	589

6. IN MEMORIAM

«И так далее, и ничего подобного»: Памяти Юдифи Матвеевны Каган	603
Постольку, поскольку...: Памяти Вадима Валерьяновича Кожина	617
Сведения об авторах	630

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемый выпуск «Бахтинского сборника» — БС-V — состоит из работ российских и зарубежных исследователей, написанных между началом 1970-х годов и началом текущего десятилетия нового века. Издание, таким образом, отражает известную «динамику» в истории рецепции бахтинской мысли за последние тридцать лет, причем в трех основных направлениях, соответствующих трем основным разделам.

В первом разделе («До и после») французский, итальянский и российский авторы в разное время (на рубеже 1970-х гг., в середине 1980-х гг. и в 2003 г.) пытаются, каждый по-своему и из своего «хронотопа», принципиально локализовать и раскрыть феномен М. М. Бахтина в целом в научно-гуманитарном и духовно-идеологическом «большом контексте» XX века. При этом ведущим мотивом во всех трех работах является прямая или подспудная *взаимосвязь* русского и западноевропейского исторического опыта в истории современной культуры.

Зарубежные исследования, составляющие следующий раздел («В других контекстах»), отражают *ниж* актуальности наследия М. М. Бахтина в западном (преимущественно англо-американском) контексте *theory* в 1980-е гг. Русский мыслитель Бахтин — единственный после Достоевского и в существенно ином смысле, чем Н. А. Бердяев, — именно в те годы стал, в известной мере, *проблемным событием* в западноевропейском гуманитарном знании, в духовно-исторической «ситуации постмодерна». Работы этого раздела, выдержанные преимущественно в жанре «Бахтин и...», позволяют, как нам кажется, составить довольно адекватное представление о том, насколько «разговор» с этим русским мыслителем на Западе состоялся, а также — в силу чего с самого начала этот разговор имел свои границы.

Наконец, в третьем разделе («Начиная с начала») представлены российские исследования самых последних лет, в которых, на наш взгляд, заявляют о себе, в большей или меньшей степени, если и не новые подходы к наследию М. М. Бахтина, то все же усилия как бы заново начать разбираться в бахтинском наследии. Акцент при этом в большинстве статей третьего раздела падает на конкретный контекст — научный, философский и иной.

Четвертый раздел должен был бы быть гораздо больше и интересней, но по ряду причин это оказалось невозможным. Тем не менее, имеющиеся рецензии, как нам хочется думать, — не формальные («дежурные»), а такие, какими они должны быть.

Особый интерес представляют свидетельства и архивные материалы, помещенные в пятом разделе.

В заключительном разделе читатель найдет два некролога, хотя это не столько некрологи, сколько тоже попытки — через людей, знавших М. М. Бахтина, лучше понять и его, и их, и себя.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

(ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ РАБОТ М. М. БАХТИНА)

- ФП** — К философии поступка / Публ. и предисл. С. Г. Бочарова, Коммент. С. С. Аверинцева // Философия и социология науки и техники. М.: Наука, 1986. С. 80—160.
- ЭСТ** — Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979.
- ППД** — Проблемы поэтики Достоевского. М.: Сов. писатель, 1963.
- ТФР** — Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. лит., 1965.
- ВЛЭ** — Вопросы литературы и эстетики. М.: Худож. лит., 1975.
- ЛКС** — Литературно-критические статьи. М.: Худож. лит., 1986.
- Ф** — *Волошинов В. Н.* (М. М. Бахтин). Фрейдизм: Критический очерк. М.; Л.: Госиздат, 1927.
- ФМЛ** — *Медведев П. Н.* (М. М. Бахтин). Формальный метод в литературоведении: Критическое введение в социологическую поэтику. Л.: Прибой, 1928.
- МФЯ** — *Волошинов В. Н.* (М. М. Бахтин). Марксизм и философия языка: Основные проблемы социологического метода в науке о языке. Л.: Прибой, 1929.
- Т. 5** — *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 5: Работы 1940-х — начала 1960-х гг. / Под ред. С. Г. Бочарова и Л. А. Гоготишвили. М.: Рус. словари, 1996.
- Т. 2** — *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 2: Проблемы творчества Достоевского, 1929. Статьи о Л. Толстом, 1929. Записи курса лекций по истории русской литературы. 1922—1927. М.: Рус. словари, 2000.
- Т. 6** — *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 6: Проблемы поэтики Достоевского, 1963. Работы 1960-х — 1970-х гг. М.: Рус. словари: Языки славянской культуры, 2002.

1. ДО И ПОСЛЕ

Клод Фриу

БАХТИН ДО НАС И ПОСЛЕ НАС *

Превратности взаимоотношений между Россией и западной культурой — поистине неисчерпаемы. Начиная с недавнего запоздалого открытия русских формалистов, установилось мнение, что история советской литературной мысли свелась к истории формализма, за которой последовала долгая ночь. В самом деле, пока окончательно не наступило сталинское средневековье, в области литературоведения и литературной критики ещё могло возникать много интересного, в особенности — взлет формализма, значительно обогатившего и расширившего свои первоначальные достижения. Несомненно, Бахтин — самый замечательный представитель в этой области, хотя сам он высоко оценивает работы целого ряда авторов, достаточно близких к его идеям, таких, как Леонид Гроссман. Отнюдь не лишены интереса стоящие несколько в стороне от Бахтина «эйдологические» исследования «творческого ядра» героя, проводившиеся современником Бахтина — Переверзевым; любопытно наблюдать возобновившиеся сегодня по его адресу полицейские упреки в «вульгарном социологизме», зачастую исходящие от сведущих авторов. Впрочем, Бахтина в 1966-м году открыли не впервые: знаменитая статья, которую Луначарский посвятил его концепции, долгое время пользовалась широкой известностью. Но тот в известном смысле исключительный интерес, который стал вызывать формализм начала 20-х годов благодаря мощной фигуре Романа Jakobсона, невольно способствовал на Западе непониманию Бахтина. Аналогичным образом, в Советской России во время «оттепели» конца 50-х годов общее внимание было поглощено довольно-таки механистической и малоинтересной реабилитацией формализма; эта реабилитация явилась составной частью произведшей тогда фурор идеи, согласно которой решение текущих проблем заключается в том, чтобы буквально оживить прошлое — пусть даже и ленинское.

Е.О.

Но, честно говоря, опоздание, с каким Запад «открыл» русских предшественников современных формалистов, — оправданно. По сути дела, наиболее продуктивные аспекты этого нового поворота к прошлому менее всего музейны: те, кто были свидетелями радикальных литературно-критических переоценок тех давних лет, вы-

* *Claude Frioux* (Paris VII). *Bakhtine devant ou derrière nous* // «Littérature», Février, 1971. № 1. P. 108—115.

держали испытание, несмотря на тяжелые времена, оказавшись очень близкими нашим сегодняшним интересам. Об этом свидетельствуют замечательные «Лекции по структуральной поэтике» Лотмана и основательно переработанная для нового издания 1963 года книга Бахтина о Достоевском.

Впечатление от книги Бахтина в то время было гораздо более сильным, чем от вала статей, в которых расцвел жесткий и специфический анализ «приема» в манере пионеров формализма. Эту манеру можно считать своеобразной метаморфозой того культа ремесла, который всегда исповедовал сталинский конформизм: ее преимущество состояло в том, что с ее помощью сознательно обходили вопросы идеологии, хотя, конечно, резоны теперь были иными, чем у формалистов 20-х годов. Анализ Бахтина — после многих десятилетий господства «монологической» литературы — был особенно ценен тем, что он выходил и выводил за пределы истории литературы. Не случайно Бахтин завершал свою книгу следующим утверждением: «Необходимо отрешиться от монологических навыков, чтобы освоиться в той новой художественной сфере, которую открыл Достоевский, и ориентироваться в той несравненно более сложной художественной модели мира, которую он создал» (ППД 362).

С другой стороны, традиция «карнавализованной» литературы, выявленная и введенная Бахтиным в науку, — традиция, в которой преобладали неограниченная фантазия и фантастика, безмерность и призыв к очищению, звучавший вызовом для любой власти, — неожиданно вернулась в литературу в лице Синявского (Терца) и Даниэля и не могла не натолкнуться на жесткое противодействие. Самые смелые дерзновения пост-сталинской литературы сложились и выразились, неизбежно, в монологическом регистре. В этом — ее драма, которая не пощадит ни Пастернака, ни Солженицына. В области литературоведения рецидив усиленного техницизма — техницизма, который находит себе опору в заимствованных из-за границы «семиотических» абстракциях, — не нарушает, а скорее поддерживает общее молчание вокруг поднятых Бахтиным проблем «многоголосого» мира. На самом деле Бахтин — один из тех, кто ставит вопрос о повороте или новом начале (*redémarrage*) — вопрос, который всегда был актуальным для диалектической мысли в СССР. Отсюда — исключительная важность Бахтина и его актуальность, намного превосходящая самые эффектные новинки, которые может продемонстрировать Советская Россия.

Так значит, Бахтин — это пророк в своем отечестве? Те, кто способствует распространению его трудов на Западе, делают это подчас не без некоторой снисходительности. У Бахтина признают предвосхищения и догадки, но его упрекают в отсталости и неточности: у него находят невнимание к психоанализу, упрекают в ограниченности, которая заключается «в психологизме, отсутствии теории субъекта, в зачаточности лингвистического анализа», языке «гуманитарной науки»¹, чрезмерной историчности. Его главная заслуга, говорят нам, — в том, что Бахтин — постформалист: он хотел преодолеть табу на интерпретацию, то есть выйти за пределы сухого анатомирования, к которому формалисты пытались свести науку о литературе. Его, Бахтина, «имманентная» критика формализма, его нежелание довольствоваться безоце-

ночной каталогизацией и баллистическими схемами, лишенными интенционального анализа (а потому и подлинного интереса), — все это хорошо иллюстрируется в связи с проблемой передачи чужой речи («сказа»). «Проблему сказа впервые выдвинул у нас Б. М. Эйхенбаум. Он воспринимает сказ исключительно как установку на устную речь и соответствующие ей языковые особенности (устная интонация, синтаксическое построение устной речи, соответствующая лексика и пр.). Он совершенно не учитывает, что в большинстве случаев сказ есть, прежде всего, установка на чужую речь, а уж отсюда, как следствие, — на устную речь» (ППД 256).

Итак, (согласно излагаемой точке зрения), Бахтин был тем, кто придал гибкость чересчур ограниченной, чересчур механистической концепции литературы в ее бытии и становлении. В этой концепции полемика с предшествовавшей невразумительностью и методическими смешениями относилась и к первым формалистам, даже научно наиболее ответственным — таким, как Тынянов, который своей чисто геометрической теорией литературной эволюции уже пытается освободиться от статического расщепления и атомизации, в направлении которых во все возрастающем числе идут работы в русле формального анализа.

Нам, таким образом, дают понять, что значение Бахтина, в основном, — исторически-ретроспективное, к тому же оно ограничено определенными недостатками языкового выражения, каковы: «неосознанное вторжение христианской лексики (...)» (Бахтин постоянно ведет речь о “душе” и о “сознании” героя), все это — «обветшавшая идеологическая скорлупа». Получается, что Бахтин — это непонятый предтеча, который сам не понимает, что «наше прочтение способно покуситься даже на так называемую субъективную объективность текста (“что на самом деле автор хотел сказать”))»², для того, чтобы открыть в нем актуальное и интересное.

Такая установка предполагает, что ограничения и недостатки формализма были решающим образом преодолены теми, кто разрабатывает и продолжает его наследие вплоть до сегодняшнего дня. В этом можно усомниться. Достижения Фрейда и Гуссерля, как и структурной лингвистики, которыми удалось подкрепить в известной мере фрагментарный дилетантизм первоначального формализма, не прояснили все его двусмысленности или двойственности — в особенности те, которые были отмечены Бахтиным.

В своей справедливой и необходимой борьбе за разработку «актуальнейшей проблемы — проблемы спецификации» (ФМЛ 55), четко отграниченной от смежных областей, формалисты и их преемники, после того как они выявили некоторые типы организации литературного материала, оказались внутри закрытой системы означающих. Инвентаризация и классификация средств литературной выразительности, якобы устранявшие всякое влияние идеологического, психологического или социально-исторического характера, не исчерпывают специфики литературы. Прекрасно говорит об этом Мешонник: «Механизмы, проанализированные Якобсоном “под микроскопом”, — не что иное, как пустая форма, раковина вне моря, исчезающая в бессвязных элементах интенциональности поэзии, стремление возратить язык миру и одновременно — язык языку»³. Больше того: литература, сведенная к игре при-

емов и применению жанровых правил, лишенных всякой интенциональности, литература, управляемая одной только баллистической логикой «отскока», — оказывается просто объектом фиксации и идентификации «универсалий письма». Тодоров так и писал: «Изучается не произведение, а виртуальности литературного дискурса»⁴. Так понятая литература как раз и теряет всю свою специфику: ее существо полностью исчерпывается заполнением предустановленной сетки приемов и правил. Вся виртуозность «формального метода» осталась до смешного далекой от самого предмета литературы: предмет этот сделался неузнаваемым в застывшем языке формалистов, значимом только в пределах своих собственных кодов. Такой способ изоляции литературы не мог не приводить к компенсирующему восполнению ее предмета двумя вне-литературными областями — лингвистикой и философией: лингвистика служила этой пустой машинерии тем, что удостоверяла реальность набора ее структур, а философия — тем, что лишала человека какого бы то ни было свойственного ему отношения к миру. Уже многие годы мы способствуем этой тотальной экспроприации, этому закабалению, которые каким-то образом соединяются с крайним формалистическим легкомыслием, превращающим литературу в некое поле языкового экспериментирования или игру в зеркальную метафизику бездны, в которой царят мифы бессознательного и непрерывное разрушение. Бездумное отрицание интенциональности языка литературы привело к расщеплению литературоведения на две дисциплины, а это, естественно, обернулось вакуумом ценностных критериев и головокружением отсутствия; в результате существо литературы вновь подверглось искажению, как прежде оно было искажено влиянием психологизма и историзма.

Как раз на фоне этих недавних экспроприаций и редуций позиция Бахтина обнаруживает всю свою многомерность при анализе поэтики Достоевского — поэтики, которая обладает для него ценностью образца. На взгляд Бахтина, специфика литературы раскрывается в своем существе по ту сторону идентифицирующих фиксаций — формальных, лингвистических и трансцендентальных, коль скоро речь идет о придании ей смысла, интенциональности. Отсюда проистекает центральное его понятие — «металингвистика», которое в более широком смысле можно определить как метаформализм. Изучение формы, на этом уровне, уже не исключает из рассмотрения смежные области, которые были преданы анафеме формалистами и их последователями. В соответствии с устойчивой интуицией, которую не сумел искоренить ни один псевдонаучный «указ», литература не вовсе чужда историческим, идеологическим и личностным категориям. Просто в высших воплощениях литературы, так сказать, совпадающих с ее спецификой, эти категории появляются не механически, а преломляются в своеобразном материале литературы и в тех способах, посредством которых она оформляет этот материал. Бахтин вроде бы ссылается на целый ряд структуральных схем, установленных формалистами, но у него они не являются простым повторением. Бахтин понимает все эти схемы как адекватный способ, с помощью которого литература подходит к конкретным проблемам и сюжетам вне литературной действительности, интегрируя их в свойственной ей форме системы.